

УДК 343.131

ББК 67.410.20

DOI 10.25724/VAMVD.ERST

М. С. Колосович, О. С. Колосович

НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ГЛАСНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ:

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Изучая современную процессуальную регламентацию гласности уголовного судопроизводства, получившую свое закрепление в ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, авторы обращают внимание на существование дискуссии процессуалистов, с одной стороны, считающих, что гласности не бывает много, а с другой стороны, отмечающих наступление времени недозированной гласности, следствием которой стало неправомерное ограничение прав участников уголовного судопроизводства. Усомнившись в правомерности «разжалования» принципа гласности уголовного судопроизводства в его условие, авторы между тем согласились и с неприемлемостью нарушения прав граждан. В качестве аргументации в статье приведены нормы международного и национального права, практика Конституционного Суда Российской Федерации, а также научные суждения современных процессуалистов. Проведен ретроспективный анализ нормативной регламентации публичности судопроизводства России в период с X по XVII в., демонстрирующий как гласность, потеряв свои позиции, превратила на несколько столетий судопроизводство в самую закрытую для общества сферу государственной деятельности.

Ключевые слова: публичность, судопроизводство, обеспечение прав участников судопроизводства.

M. S. Kolosovich, O. S. Kolosovich

NORMATIVE REGULATION FOR CRIMINAL PROCEEDINGS' PUBLICITY IN RUSSIA:

RETROSPECTIVE ANALYSIS

Studying contemporary procedural regulation of criminal proceedings' publicity fixed in Article 241 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the authors point to the existence of a debate among proceduralists. They believe that on the one hand, it is impossible to have too much publicity, on the other hand, there approaches time for non-regulated publicity, which leads to unlawful limiting the rights of citizens participating in criminal proceedings. Having questioned legality of bringing the principle of criminal proceedings' publicity just into its condition the authors agree with unacceptability of violating the citizens' rights. The norms of international and domestic law, the practice of the Constitutional Court of Russia as well as scientific judgments of modern proceduralists have been provided as arguments. At the same time, retrospective analysis of normative regulation for legal proceedings' publicity in Russia from the 10th to the 17th centuries has been made. It demonstrates in which way publicity, having lost its strength, turned legal proceedings for several

centuries
into the most closed for the society sphere of state activity.

Key words: publicity, legal proceedings, ensuring the rights of legal proceedings' participants.

В последние десятилетия средства массовой информации насаждают неприглядный образ сотрудника органов внутренних дел, презумпции его виновности и некомпетентности. Формированию недоверия общественности к правоохранительным органам в значительной мере способствует определенная закрытость процедур правоохранительной деятельности в общем и уголовного судопроизводства в частности. В сложившейся ситуации особое значение приобретают укрепление законности и совершенствование деятельности правоохранительных органов, актуализируются вопросы реализации гласности в уголовном судопроизводстве.

Сегодня в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) трансформирован принцип гласности уголовного судопроизводства в условие судебного разбирательства (ст. 241 УПК РФ), что спровоцировало научную дискуссию правоведов о правомерности такого решения [1, с. 9].

По мнению А. Е. Доля, гласность осуществляемого расследования служит одной из важнейших гарантий доброкачественности формируемых доказательств, возможности их последующей надлежащей проверки и оценки, гарантий прав и свобод граждан при осуществлении судопроизводства и выполнении им своего назначения [2]. Отдельные ученые заявляют, что необходимо создать режим максимальной открытости и осуществляемого расследования, так как засекречивание данных следствия приводит к бесконтрольности, а значит, и безнаказанности за нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Высказывается мнение [3, с. 39—42] о расширении действия гласности на досудебные стадии, поскольку ее ограничение губительно для состязательности уголовного судопроизводства. Однозначна позиция и Конституционного Суда РФ, отметившего, что необоснованный отказ в проведении открытого судебного заседания может привести к нарушению конституционного принципа гласности судопроизводства и нарушению прав

граждан на доступ к правосудию (определение Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2002 г. № 114-О). Более того, на взгляд Н. В. Мацининой, в любой сфере жизнедеятельности гласности не бывает ни много, ни мало [4, с. 20].

Важность реализации гласности судопроизводства отмечалась и в XVIII в. По мнению и по сей день авторитетного английского правоведа И. Бентама, гласность является краеугольным камнем правосудия, так как ставит судью в зависимость от общественного мнения, обуздывает его своеволие и в то же время поощряет его к деятельности. Бентам пишет: «Чем более суды были тайные, тем были они ненавистнее. Средневековый тайный суд, инквизиция, совет десяти опозорили те правительства, которые их установили» [5, с. 78].

Между тем И. В. Смолькова с сожалением отмечает наступление в правосудии периода «недозированной» гласности, которая по-своему ведет к ущемлению прав участников уголовного судопроизводства [6, с. 7].

Учитывая важность вопроса сохранения некоторых сведений в тайне, обеспечения системности в регулировании защиты информации на стадии предварительного расследования, И. В. Кончакова предложила закрепить в УПК РФ «тайну» в качестве принципа уголовного судопроизводства [7, с. 14—15]. Мировое сообщество также стоит на позиции приоритета интересов правосудия над гласностью, о чем свидетельствует ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключенная в г. Риме 4 ноября 1950 г.), а также п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (принятого 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

Гласность судопроизводства в истории правосудия проявилась задолго до появления первых нормативных актов Древнерусского государства. Глубоко уходят также корни большинства современных проблем отечественного судопроизводства.

Отсутствие кодифицированных источников

права и устность судопроизводства Древней Руси «заставляла» передавать из уст в уста, от отца к сыну народные предания, юридические порядки и предписания, что создавало предпосылки существования гласности судопроизводства. Племенная община, оберегая свои обычаи, была заинтересована в том, чтобы суды посетило как можно больше крестьян, способных в своей памяти сохранить эти знания. Благополучному существованию гласности судопроизводства способствовали состязательная форма процесса, отсутствие государственности и неграмотность народа.

Русская Правда, являясь, по сути, первым нормативным актом России, не выделяла государственных преступлений, поэтому судопроизводство носило ярко выраженный частный характер и зависело от воли лица, пострадавшего от правонарушения. Судопроизводство начиналось с заклича — публичного объявления о состоявшемся преступлении (ст. 32 Пространной Правды), времени

и месте созыва членов общины. В присутствии членов общины пострадавший (называвшийся истцом) излагал свою жалобу и результаты произведенного им частного расследования [8, с. 139].

В рассматриваемый период зарождающееся государство розыскные функции делегировало пострадавшему, который самостоятельно осуществлял розыск похищенного имущества и виновного лица, а затем представлял доказательства правомерности своих притязаний судье в присутствии всех членов общины (ст. 2, 10—11, 13—14, 30 Краткой Правды, ст. 18, 20—22, 31, 35, 52, 66 Пространной Правды).

Бремя доказывания возлагалось и на обвиняемого, который был вынужден, опровергая предъявленное обвинение, предоставить послуха (свидетельствующий по слуху) или видока (очевидца совершенного события), а при необходимости принять участие в испытании железом или водой (ст. 18, 20—22, 30, 85—87 Пространной Правды).

В случае совершения преступления неизвестным лицом законодатель обязывал розыск осуществлять администрацию общины, которая, учитывая показания свидетелей и очевидцев, должна была проследовать по следам вора. Данное розыскное мероприятие называлось «гонением следа». Динамика розыскного процесса была обеспечена нормативным закреплением правила, в соответствии с которым, к какой общине след привел, та и обязана продолжить розыск

похищенного и преступника. Община, на которой прерывалась розыскная цепочка (в связи с ее отказом продолжать розыск, неустановлением виновного или отказом от выдачи последнего), платила штраф.

Если следы вывели не к члену общины, а ко временно проживавшему на ее территории лицу или за ее территорию, то община не несла материальную ответственность за совершенное преступление. Учитывая важность выводов произведенного расследования и чтобы исключить его предвзятость, законодатель создал механизмы контроля за законностью этой деятельности, потребовав участия в процедуре преследования чужих, не принадлежавших данной общине людей (ст. 77 Пространной Правды). Здесь отметим, что в силу названных причин эта деятельность велась гласно.

Судебные действия, в соответствии с приведенными положениями, осуществлялись на торгах, публично, в присутствии «толпы». При этом сведения приобретали доказательственное значение только после их оглашения во всеуслышание в суде. Судья, оценив представленные сторонами доказательства, публично оглашал свое решение по делу. Присутствие на судебном разбирательстве членов общины выступало серьезным гарантом справедливости вынесенного приговора, а значит, и реализации прав участников судопроизводства.

Некоторые наказания, предусмотренные Русской Правдой, также носили элементы гласности. Например, ст. 65 Пространной Правды предусматривала публичную порку челядина, оскорбившего свободного человека.

Содержание исторического акта и логика его изложения позволяют сделать вывод о том, что непреодолимым условием правомерности осуществленного судебного разбирательства того времени являлась гласность судопроизводства. Комментируемый нормативный акт не включал норм, регламентирующих негласное производство по делу, а также каких-либо ограничений распространения информации.

Двинская уставная грамота 1397 г. не изменила положения гласности в отечественном судопроизводстве, что, к сожалению, нельзя сказать о Псковской судной грамоте 1467 г. В соответствии со ст. 58 Псковской судной грамоты рассмотрение споров суд осуществлял не в общественной месте, а в «судебной горнице», куда кроме состава суда, истца и ответчика никто не допускался. Исключение составляли только случаи, когда одной из сторон являлись женщины, дети, монахи, монахини, престарелые и глухие, имеющие право привлекать «пособника». Более того, за

несанкционированное вторжение в зал судебного заседания была предусмотрена ответственность. Провинившегося предписывалось «заклепать в колодку и взыскать с него рубль пени в пользу князя и 10 денег в пользу привратников».

Судебное разбирательство стало производиться при закрытых дверях. Предписаний, закрепляющих исключения из общих правил закрытого судебного процесса, Псковская судная грамота не содержала. Ситуация усугублялась одновременным закреплением в ст. 13 Псковской судной грамоты письменного начала судопроизводства. Для признания же акта бесспорным судебным доказательством требовалась печать князя или Святой Троицы — соборного храма Псковской земли (ст. 50, 82 Псковской судной грамоты). Все акты делопроизводства Псковская судная грамота называла грамотами и досками (например, ст. 28, 61, 106, 108). Поголовная безграмотность крестьян сделала для них судопроизводство окончательно закрытым.

Таким образом, в конце XV в. российское правосудие характеризуется присутствием на судебном разбирательстве незначительного количества старейшин, представляющих интересы своих общин, причем само разбирательство стало осуществляться при закрытых дверях.

«Основные тенденции эволюции древнейшего суда, вне всякого сомнения, сводились к постепенному сокращению участия в нем народа... Социальная рознь, все более и более возрастающая в древнерусском обществе, превратившаяся, в конце концов, почти в непрерывную гражданскую смуту, делала невозможным спокойное отправление суда на вече, на „людях“» [9, с. 42].

Так начался процесс замены словесного и публичного судопроизводства письменным и закрытым, канцелярским. На смену гласного судопроизводства пришло тайное.

Новгородская судная грамота [10, с. 27—32] продолжила процесс ограничения доступности судебного разбирательства для граждан. В соответствии со ст. 42 на судебном разбирательстве могли присутствовать только по два представителя общины от каждой из заинтересованной стороны. Нарушение этого требования влекло наказание провинившегося лица.

Продолжая принятый курс на письменное делопроизводство, законодатель требовал

ведения протокола судебного заседания, ознакомившись

с которым участники судебного разбирательства в знак согласия с его содержанием прикладывали свои печати (ст. 21 Новгородской судной грамоты).

Следующим звеном исторической цепочки отечественного судопроизводства является Белозерская уставная грамота 1488 г., в которой процедуры расследования и судебного разбирательства своей нормативной регламентации не получили. Процесс регрессии института гласности продолжился с появлением Судебника 1497 г., в соответствии с которым судопроизводство приобрело инквизиционный характер. Об этом свидетельствуют ст. 14, 34 Судебника 1497 г., впервые на законодательном уровне закрепившие право применения судом пыток. Со временем пытки стали центральным атрибутом осуществляемого судопроизводства и подлежали применению уже независимо от того, лицо предварительно созналось или нет в совершении преступления (ст. 58 гл. XXI Соборного уложения).

При рассмотрении вопросов собирания доказательств необходимо упомянуть еще об одном элементе судебного разбирательства, предполагающем присутствие при нем членов общины, а значит, и публичность мероприятия, — «суде божьем».

В древнерусском праве встречались следующие разновидности суда божьего: испытание (огнем, железом или водою (ст. 18, 20—22, 30, 85—87 Пространной Правды)), судебный поединок — поле (ст. 4 Двинской уставной грамоты, ст. 10, 13, 17, 18, 21, 36, 37, 101, 117, 119 Псковской грамоты, ст. 4—7, 48—49 Судебника 1497 г., ст. 10 Судебника 1550 г.), жребий, присяга (договор 911 г.

с Византией, ст. 17, 20, 41, 42, 51, 55, 92, 101 Псковской судной грамоты, ст. 27 Судебника 1550 г., ст. 237 гл. X, ст. 4 гл. XIII, ст. 5 гл. XIV Соборного уложения) и крестное целование (ст. 42, 55 Псковской судной грамоты, ст. 47 Судебника 1497 г., ст. 30 гл. VII, гл. XIV, ст. 236 гл. X, ст. 5 гл. XIII, гл. XIV Соборного уложения, ст. 6—9 Указа «Об отмене в судных делах очных ставок»). В Соборном уложении получение доказательств посредством производства поля уже не встречается. Данный вид доказательства появился в языческие времена

и использовался в суде при отсутствии оправдывающих или обвиняющих доказательств, а также иных доказательств вины или невинности.

В его основе лежала вера племен в то, что божество принимает участие во всех делах человеческих, в том числе и судебных разбирательствах, и как верховный судья оправдывает правых и осуждает виновных. Решение суда божьего проявлялось во внешних явлениях, противоречащих нормальному порядку физической природы или в чудесах после действий, совершаемых самими подсудимыми.

В Псковской судной грамоте судебный поединок назначался по делам, не затрагивающим интересы государства, однако мог быть заменен показаниями свидетелей. Начало постепенного отмирания данного вида доказательств приходится на время правления Ивана IV. В итоге в Соборном уложении уже отсутствует регламентация процедуры «суда божьева».

В Судебнике 1497 г. поединок проводился в соответствии со сложившимися традициями и нормативными требованиями, на открытом поле

в присутствии суда и доброжелателей (родственников) обеих сторон. Между тем гласность поединка имела и свои ограничения, по сути, аналогичные современному основанию закрытого судебного заседания, — обеспечение безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц (п. 4 ч. 1 ст. 241 УПК РФ). В соответствии со ст. 68 Судебника 1497 г. в целях безопасности участников запрещалось присутствие опришных (непричастных к делу, посторонних), присутствующие же лица не должны были иметь при себе оружие (ст. 68 Судебника 1497 г.).

В рассматриваемый исторический период аналогичными процессами характеризуется судопроизводство и европейских государств. Свое окончательное формирование инквизиционный процесс среди религиозных войн получил к XVI в. Например, во Франции королевскими ордонасами (указами) 1498 г., а затем 1539 и 1670 гг. свидетели предоставлялись следственному судье и допрашивались им в сокращенном режиме в непубличном заседании, производство по уголовному делу было негласное, письменное, с применением пыток и полным устранением народного участия.

В итоге публичное судебное разбирательство стало закрытым,

осуществлялось негласно и преимущественно на основе письменных документов. При этом от заподозренного скрывали уличающие его в совершении преступления обстоятельства и вообще сущность обвинения, так как считалось, что неизвестность цели допроса позволит запутать обвиняемого, понудив его принести свою повинную. По свидетельству историков, в условиях необходимости утаивания от обвиняемого результатов произведенных следственных и судебных действий реализация института гласности судебного разбирательства стала невозможна [11, с. 41]. Замена народных обычаев тайной судебного процесса негативно сказалась на интересе, популярности и доверии населения к суду.

-
1. Володина А. Н. Гласность уголовного судопроизводства. Правовая природа. Содержание и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
  2. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2009.
  3. Смирнов А. В. Состязательный процесс: монография. СПб.: Альфа, 2001.
  4. Мацинина Н. В. Гласность: понятие и процесс: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1991.
  5. О судоустройстве // Соч. Бентама. СПб.: ВЪ типографіи Правительствующаго Сената, 1860.
  6. Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998.
  7. Кончакова И. В. Уголовно-процессуальный институт защиты информации на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011.
  8. Самоквасов Д. Я. Курсъ истории русскаго права. 3-е изд., исп. и доп. М.: Типографія Императорскаго Московскаго Университета, 1908.
  9. Судебная реформа. Т. I. М.: Объединение, 1915.
  10. Гинцбург А. Б. Новгородская и Псковская судныя грамоты. СПб.: Типографія и Литографія Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1888.
  11. Случевский В. Учебник русскаго уголовного процесса. Судоустройство — судопроизводство. 4-е изд., доп. и исп. СПб.: Типографія М. М. Стасюлевича, 1913.

© Колосович М. С., Колосович О. С., 2018

-
1. Volodina A. N. Publicity of Criminal Proceedings. Legal Character. The Contents and Problems of Implementation: Abstract of Diss. of Candidate of Juridical sciences. Moscow, 2009.
  2. Dolya Ye. A. Formation of Evidence on the Basis of Detective Activities' Results: monograph. Moscow: Prospect, 2009.
  3. Smirnov A. V. The Adversary Trial: monograph. Saint-Petersburg: Alpha, 2001.
  4. Matsinina N. V. Publicity: the Concept and Process: abstract of diss. of candidate of Philosophical Sciences. Rostov-on-Don, 1991.
  5. On the Judicial System // Works by Bentham. Saint-Petersburg: V tipographii Pravitelstvuyushchago Senata, 1860.
  6. Smolkova I. V. The Problems of Secret Protected by Law in Criminal Procedure: diss. of doctor of juridical sciences. Irkutsk, 1998.
  7. Konchakova I. V. The Criminal Procedure Institute for Protection of Information at the Stage of Preliminary Investigation: abstract of diss. of candidate of Juridical Sciences. Voronezh, 2011.
  8. Samokvasov D. Ya. The Course on History of Russian Law. The 3rd edition, revised and supplemented. Moscow: Tipographiya Imperatorskago Moskovskago Universiteta, 1908.
  9. The Judicial Reform. T. I. Moscow: Obyedineniye, 1915.
  10. Gintsburg A. B. Novgorod and Pskov Loan Papers. Saint-Petersburg: Tipographiya i Lito-graphiya L. Bermana i G. Rabinovicha, 1888.
  11. Sluchevsky V. Textbook on the Russian Criminal Procedure. Judicial system — legal proceedings. The 4th edition, revised and supplemented. Saint-Petersburg: Tipographiya M. M. Stasyulevicha, 1913.

© Kolosovich M. S., Kolosovich O. S., 2018